

18+

КАКАЯ-ТО

ИСТОРИЯ

ТИНА ВЕДМИЧ

Тина Ведмич

Какая-то история

<https://litres.ru/74147934>

ISBN 9785006995970

Аннотация

Что, если любовь — это не чувство, а способ видеть? Арина живет обычной жизнью, пока подруга-актриса не получает роль Анны Болейн. Сценарий, попавший в руки Арины, становится ключом к исследованию её собственной души. Сквозь тишину французских замков и сербских гор, сквозь встречу с режиссером, который «узнал» её задолго до знакомства, она открывает главное: быть собой важнее, чем быть счастливой.

Содержание

Какая-то история	5
Введение от автора	6
Часть первая. Пробуждение	7
Глава 1. Дневник	7
Глава 2. Пробуждение	14
Глава 3. Начало	20
Глава 4. Размышления по дороге в Долину Луары	23
Глава 5. Сцена «Прощание»	27
Историческая основа	27
Локация	27
Режиссёрский подход	27
Сцена. «Прощание»	28
Глава 6. Французский завтрак	33
Предисловие режиссера	33
Глава 7. Золотой час	42
Глава 8. Шестнадцатилетняя Анна	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Какая-то история

Тина Ведмич

© Тина Ведмич, 2026

ISBN 978-5-0069-9597-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Какая-то история

Введение от автора

Эта повесть пропитана любовью. Сами истории имеют лишь второстепенный смысл и служат мостом к сердцу читателя. Любовь как идея очень заразительна и служит единственной цели — радости и счастьем читающего.

Нас с детства обучали жить в мире противоположностей. Что у всего хорошего есть обратная сторона. И что обратная сторона любви — страх. А что, если это ложное убеждение? А что, если у любви нет противоположностей?

Давайте понаблюдаем за героями книги вместе и пусть наша интуиция подскажет, что из всего написанного может быть правдой для каждого из нас. Мы выбираем, во что верить. И по нашей вере нам дано будет.

С любовью.

Часть первая. Пробуждение

Глава 1. Дневник

Я люблю делать заметки или записывать отдельные мысли в тетрадь. Очень редко я перечитываю их — они скорее нужны для ментального порядка. Мне нравится поразмышлять о чём-то, не принимать на веру какую-то концепцию или чьё-то мнение, а исследовать себя, свои чувства и свои мысли. Нравится заглянуть в прошлое, листая страницы, и посмотреть, как изменились мои взгляды, как углубились мои размышления — ведь это самый простой способ увидеть, что я меняюсь.

Сегодня я решила уйти от привычного краткого изложения и зафиксировать целый период из нескольких месяцев моей чудесной жизни, чтобы ни одно осознание, ни одна мудрая находка не ускользнули из моей памяти, чтобы служили фундаментом моей новой интересной жизни.

Меня зовут Арина. Я пишу эти строки не для того, чтобы меня запомнили, а чтобы запомнить себя. Ту себя, которая ещё не знает, что через несколько месяцев её жизнь разделится на «до» и «после». На Францию и всё остальное. На

тишину и голоса.

Я из семьи военного. С детства знакома с уважением и личной ответственностью. Никакой диктатуры и никакой демократии. Красивое взросление в любящей семье. Я рано стала самостоятельной не по принуждению, а по внутренней зрелости. Родители с лёгкостью отпустили меня учиться в другую страну, где я полностью сепарировалась и к восемнадцати годам стала совершенно независимым человеком и любящей дочерью.

Поэтому, скорее всего, мне ближе взгляды Адлера, чем Фрейда.¹ Я не чувствую гнёта ответственности — она меня не отягощает, а наоборот, даёт свободу выбора и решений. Возможно, благодаря этому я не сужу выборы других людей

¹ Альфред Адлер: Целостность личности. В отличие от Фрейда, который настаивал на расщеплении личности и борьбе внутренних начал, Адлер утверждал, что сознательное и подсознательное друг другу не противостоят. Цели, желания, чувства, на первый взгляд разрозненные, — воплощение единства, которым и является личность. Влияние осознанного творческого начала. Именно оно, по мнению Адлера, способно менять направление, в котором развивается индивид. Творческое «Я» формирует так называемый жизненный стиль, который включает вкусы, привычки, особенности постановки целей, методы их достижения, манеру поведения. Чувство общности. Оно позволяет корректно выстраивать межличностные связи, оказывается стимулом для генерации новых культурных ценностей. Оценить развитость чувства общности можно по тому, как человек относится к интимно-романтическим взаимодействиям, окружающим, труду. Важность целеориентированного поведения. По мнению Адлера, цели и ожидания больше влияют на поведение человека, чем впечатления прошлого.

и для многих кажусь безучастной, лишённой интереса к деталям жизни окружающих.

Не то чтобы я была бесчувственной. Наоборот! Мне важно, как я могу быть действительно полезна — и неважно, кто что посетил, какую политическую партию поддерживает или как далеко шагнула медицина. Я не собираю информацию, мнения, не сужу внешний мир по видимости. Я живу идеей, что всё в этом мире происходит как надо и имеет какой-то скрытый замысел.

И вот только-только я начинаю практически убеждаться, что мои размышления — не пустая вера, а мир гармонии действительно существует. И он начинается внутри каждого из нас.

Всё началось ровно год назад. Мне был тридцать один год. Я жила одна в городе Б., наслаждаясь одиночеством в уютном, свитом по моему вкусу и комфорту гнёздышке, отдавая каждодневную дань миру своим вкладом понимания красоты и встречаясь со своими любящими родителями каждый выходной. Прекрасная, чудесная жизнь. Морской бриз и музыка моря вместо светских бесед. Написание картин — моя тайная жизнь... Мой внутренний мир на холсте, скрытый от чужих глаз, и мысли в дневнике. Немногочисленные друзья и очень много времени наедине с собой. Много замечатель-

ного времени наедине с собой.

И мне всё казалось понятным и прозрачным в своей жизни, включая саму себя, до недавнего момента, когда начались видения... Очень странные видения...

Я закрываю глаза и чувствую, как моё сознание, вместо того чтобы дать мне спокойно заснуть, начинает кинопоказ: странные персонажи хаотично сменяют друг друга, то приближаясь ко мне, то отдаляясь; странные события, неуправляемые по сути и различные по экстерьеру. Но и это не самое странное... Самое странное — это то, как я за всем этим наблюдаю... Всё разворачивается только для меня, и все живые картинки приближаются и удаляются, следуют своим сюжетам, а я просто смотрю и пока ничего не понимаю... Странно. Всё очень странно...

Некоторые сюжеты кажутся мне знакомыми — будто я уже когда-то их проживала. Эти картины... удивительно, но мне кажется, что на них даже есть я. Почему именно сейчас я увидела это?

А что, если попробовать выбрать одну из них? Эту светлую. Самую сияющую. Самую манящую и привлекательную.

Боже... Я чувствую, как всё моё тело откликается на этот

образ. Оно покрывается дрожью, и в глубине я ощущаю: здесь есть нечто великое. Что-то, что способно открыться именно в этом пространстве.

Я следую этому зову — и вхожу туда.

Я делаю шаг вперёд, и в этот момент моё восприятие изменяется, и я перестаю чувствовать тело. Я ощущаю своё присутствие, знаю, что существую, но как-то иначе. Мне становится беспокойно, и я открываю глаза.

Кроны платанов танцуют под музыку ветра, увлекая моё внимание через прозрачное стекло и возвращая своим танцем в реальность. Потолок, некогда казавшийся мне высоким и дарящим свободу и пространство, сейчас казался тяжёлой белой плитой, желающей меня придавить.

Прежнее восприятие вернулось вместе с любимым телом, но сейчас оно уже не кажется мне естественным. Вот они, мои прекрасные ноги, руки — всё на месте, но теперь мне не хватает чего-то другого...

И я снова закрываю глаза...

Чувствую, что не в силах противостоять манящим объятиям Морфея. Всё глубже и глубже погружаюсь в них. А в

мыслях пролетает целый ворох волнующих и нераскрытых для меня вопросов.

Удивительно, насколько разными бывают миры — внешний и внутренний. Как может существовать такая несхожесть? Какой из них реален? Где та подлинность?

И вот он — сон. Стремительные события. Всё меняется: люди, эмоции, контексты, обстановка. Всё...

— —

Я проснулась от потока мыслей. Словно кто-то вставил диск с программой на день, и он начал свою работу, пока я выскальзывала из объятий сна. Я не успела опомниться, как уже стала частью размышлений о делах насущных, которые полностью вытеснили впечатления о тонком устройстве внутреннего мира.

Единственное, что я успела уловить, — что сейчас мне насильственно громко в голове и даже слегка суетливо, словно мысли меня подгоняют, чего не наблюдалось вчера.

Я устремилась к утренним водным процедурам, продолжая мысленно планировать день. Он кадрировался в моём сознании по часам, а кое-где и по минутам, пока я чистила

зубы. Ритм перестал мне казаться навязчивым, и к моменту, когда чашка утреннего кофе стояла передо мной, всё внутреннее воспринималось естественно и обычно.

Глава 2. Пробуждение

Сегодня день прошёл чудесно. Я съездила по всем наменным делам, навестила родителей и даже успела посетить книжный магазин. К сожалению, ничего не привлекло моего внимания, хотя было предчувствие, что сегодня на книжных полках меня ждёт что-то очень значимое.

Книги всегда способствуют моему развитию. Любой жанр, мысль автора, глубоко прочувствовавшего современность, или его раскрытая мудрость на страницах книги — всё это активно отзывается во мне и несёт неописуемое очарование моей возвышающейся мысли. Я интуитивно чувствую глубину мысли и позволяю ей проникать в моё сознание. Позволяю чужой интерпретации входить в моё сознание и раздвигать мои границы восприятия. Как много чудесных историй и опыта подарили нам неленивые писательские руки. Как много идей, которыми они делятся со страниц своих книг, и как много чувств и эмоций, которые можно переживать, словно проживая не одну жизнь за раз.

Я помню, как в юности прочитала одиннадцать томов из серии приключений меньше чем за месяц. Я побывала в разных странах буквально не выходя из дома. Возможно, это книжное путешествие послужило мне опорой, когда пришло

время покинуть свою семью и выйти не только за границы собственной квартиры, но и собственной страны. Увлекаемая, вдохновлённая и открытая новому, я сделала первый шаг навстречу миру. У меня были переживания, но предвкушение было намного выше, и оно оправдалось.

А какой красивый период первых влюблённостей! Как чувственны романтические произведения и как красива истинная любовь и преданность. Средневековые романы — особая любовь не только моя, но и любой мыслящей, мечтающей девушки.

Сегодня интуиция меня подвела. Полки были заполнены, но моей книги не было, и я поехала домой.

По дороге мои мысли унеслись в недавний обед с родителями. Память возрождала встречу, и я почувствовала, как улыбаюсь. Я вспоминала, как папа подшучивал над мамой, а она молча, мило улыбаясь, накрывала на стол. Они делают это уже тридцать пять лет, и их любовь друг к другу утверждается и растёт с каждым годом. Я ни разу не видела их большой ссоры и уверена: не потому, что они ссорились тайно, а потому, что их никогда не было. Папа всегда поддерживал маму во всех её стремлениях, воплощениях любой идеи, а мама никогда не переставала поддерживать своей заботой, нежностью и добротой нас.

Сегодня за обедом они сообщили, что серьёзно задумываются о переезде на Сицилию и уже даже начали присматривать себе дом. Мама, которая не любит жаркое лето, согласилась на постоянное лето? Что это, как не любовь. А могла бы я так? Надо поговорить с мамой об этом. Так интересно, что она чувствует. Я попробовала представить, что кто-то может предложить мне переехать куда-то, где вечные холодные ветра или, ещё хуже, постоянный мороз. Представление не получилось. Ведь я не знаю, как ощущается любовь к кому-то, кроме своей семьи. Моя мысль перенеслась от ветренных фьордов снова к любви к родителям. Но помыслить я не успела, потому что услышала красивую музыку, точнее — голос...

В машине радио было выключено, и я подумала, что слышу мелодию из рядом проезжающей машины. Но на дороге я была одна. Взглянув в зеркало заднего вида, я видела несколько машин, которые были очень далеко от меня и производили впечатление неспешно плетущихся домой...

Откуда идёт этот звук? Я собрала всё своё внимание в непременном желании найти музыкальный источник. К моему удивлению, музыка звучала только у меня в голове. Я подумала: должно быть, это песня, которую я где-то услышала сегодня и теперь старалась вспомнить сначала песню, а уж

потом — где она ко мне пристала.

Я сосредоточила внимание на дороге, расслабляя внутренний поиск. Я давно научилась управлять своим вниманием, перемещая его снаружи внутрь и наоборот, и сейчас этот фокус тоже сработал. И песня зазвучала громче. Я продолжала смотреть на дорогу, поражаясь, что ни голос исполнения, ни мелодия не были мне знакомы. Музыка становилась громче, слова яснее, и складывалось ощущение, что она исполняется только для меня. Кто может так хорошо знать меня и чувствовать? Кто может знать меня лучше меня самой? Откуда это волнующее воспоминание? Эта невообразимая гармония? Эта целостность? Я испугалась, что всё моё существо сейчас потеряется в этом море раскрывающихся чувств, и перестроилась в правую полосу, чтобы затем припарковаться.

Музыка не прекращалась, она шла изнутри моего существа, проникая в каждую клеточку моего тела и мозга. Я расслабилась, растворилась, следовала за голосом и закрыла глаза...

Передо мной появился образ в блестящей одежде, с глазами, полными любви и понимания, с губами, извлекающими прекрасную песнь любви.

Я чувствовала, как из моих глаз текут слёзы, блаженная улыбка нарушается судорожными всхлипами, а грудная клетка становится такой широкой, что может вместить в себя весь мир. Ещё немного — и меня разорвёт от блаженства. Ещё немного — и слова исчезли, а голос стал восприниматься чистой вибрацией, которая глубоко проникла в моё существо и коснулась чего-то живого. От божественного прикосновения словно все струны моей души в одно мгновение настроились, и появилась Ясность.

Затем вибрация снова мягко стала ощущаться голосом — мелодичным и успокаивающим. Интенсивность опыта сменялась безмятежностью и покоем, определённой и величием. О, этот Лик божественной красоты!

«Вот бы это не прекращалось», — услышала я первую свою мысль, и голос стал становиться тише, а божественный образ — терять очертания. Я чувствовала, что видение заканчивается, и не сопротивлялась этому. Каждой клеткой я вкушала гармонию и старалась запечатлеть в памяти невероятный опыт.

Ещё какое-то время я сидела с закрытыми глазами, не двигаясь, наслаждаясь этим чувством соединения и ясности. Оно было мне знакомо, но в этот раз я ощутила его особенно ярко. Так хотелось продлить это состояние любви и гар-

МОННИИ.

Когда я открыла глаза, то увидела, как солнце завершает сегодняшний спектакль и вот-вот скроется за горизонтом, окрасив небеса в чудесные розово-золотые оттенки. Мысль о том, насколько это прекрасно, не покидала меня. Мне захотелось выйти из машины, присесть на капот и, ощущая лёгкий ветерок на плечах, понаблюдать за этим мгновением.

Я не смогла сдержать слёз — и от того, что только что пережила внутри, и от того, что открывалось передо мной во внешнем мире. Как велик Господь! Меня переполняли любовь и благодарность, а слёзы счастья потекли по щекам. «О Боже, как же это красиво», — повторяла я снова и снова.

Глава 3. Начало

Я уже давно проснулась, но никак не хотелось выбираться из кровати. Обычно решительная с самого утра и точно знающая, что делать, сегодня я ощущала себя иначе. Мысли были тихими, и, наблюдая за ними, я словно пыталась найти какую-то особенную, которая даст импульс к предстоящему дню, вдохновение.

Я закрыла глаза. Мягкое колебание, словно нежный ветерок внутри и снаружи, наполнило моё существо безграничной радостью. «Что это такое?» — быстро пронеслась мысль о том, что в комнате не может быть сквозняка и этот ветерок ощущается не только снаружи, но и внутри. Чем больше я приглядывалась к нему, тем сильнее осознавала его чем-то особенным, живым, отдельным от меня и в то же время мной. Словно чьё-то любящее Присутствие. Без образов, без картинок, без мыслей — мягкое волнующее блаженство.

«Исследуй силу любви», — услышала я голос, а может, и не голос, но что-то совершенно определённое, тихое, приходящее откуда-то изнутри меня. «Исследуй силу любви?» — переспросила я. «Да», — ответил мягко голос. «А как мне её исследовать? Что нужно делать?» — этот диалог был тонким, еле уловимым и при этом очень конкретным. Голос был

мягким и любящим. И... очень естественно воспринимаемым. «Я покажу. Прислушивайся ко Мне». «Хорошо», — и только я собралась спросить, с кем я разговариваю, как мои глаза открылись. Именно открылись. Не я их открыла, потому что захотела, а словно команда пришла извне. Ух ты! Невероятный, неописуемый опыт, совершенно новый и, что странно, не пугающий.

Мои размышления нарушил звук входящего сообщения.

СМС была от моей подруги Карины.

«Аря, привет», — ей очень нравилось ко мне обращаться по-особенному, и я тоже находила её желание милым и не возражала. Для всех остальных я Арина, но в этом «Аря» — вся наша пятнадцатилетняя дружба.

«Мне предложили роль в фильме про сестёр Болейн, точнее про Анну Болейн. Съёмки начинаются через неделю во Франции. Мне очень-очень нужна твоя поддержка. Можешь полететь со мной. Хотя бы на недельку, а лучше на две».

Я несколько раз перечитала сообщение, останавливаясь на каждом предложении по отдельности. Первая эмоция относительно полученной роли вызвала бурную радость за подругу, «Еще одна из рода Болейн» унесли меня в воспоминания.

нения о любимом фильме, а приглашение полететь во Францию — на него не было никаких излишних размышлений, кроме: «Когда вылетаем?»»

Я не могу сказать о себе, что «лёгкая на подъём», но в этом конкретном случае ощущалось совершенно естественным сказать «да». В последнее время «естественно» стало каким-то новым внутренним ориентиром. Пока не понятна общая картина новых «естественных» впечатлений и решений, но да ладно... Вот и сейчас переход от внутреннего диалога и рекомендации «Исследуй силу любви» естественным образом подходил к реальному диалогу с реальной подругой. Нужно чуть больше подробностей, и я набираю номер Карины.

Глава 4. Размышления по дороге в Долину Луары

— Как хорошо! Как же хорошо! — не переставала повторять Карина с тех самых пор, как мы вместе отправились во Францию.

Я улыбалась её настроению, испытывая при этом тихую радость, чуть менее яркую и восторженную, чем у Карины. Картинки сменяли одна другую, словно декорации, специально подобранные под наш приезд. Мы прилетели в Париж и из аэропорта Шарль-де-Голль на поезде отправились в Блуа. Вся съёмочная группа поехала на специальном автобусе, а нам посчастливилось провести время в комфортабельном купе, наслаждаясь красотой проносящихся пейзажей.

Каждая из нас была глубоко внутри себя, смакуя предложенные взору красоты. Моя подруга так же, как и я, предпочитает тишину многословию и с радостью делится со мной своим восприятием мира, выходящим далеко за общепринятые понятия.

Карина воспитывалась в религиозной семье, получила образование в том же университете, что и я, только на другом факультете — так мы, собственно, и познакомились. Карина

выбрала профессию в одночасье, услышав внутренний зов. Семья не поддержала её выбор, но, оценив её целеустремлённость и независимость, сдала позиции неприятия и, мягко говоря, смирилась. Я ни разу не слышала, чтобы Карина обвиняла своих родителей в отсутствии поддержки, несмотря на то, что временами молоденькой девушке в чужой стране было очень непросто.

Её философский взгляд на вещи этого мира меня очень вдохновлял, и если выбрать одну из её многочисленных глубоких идей, то я выбрала бы: «Жизнь — это приключение, а не страдание. Помнить об этом — это и значит жить».

Наше финансовое положение было разным. Мне быстро удалось подхватить волну современности и проявить свои способности и любовь к красоте, чтобы уже с восемнадцати лет не нуждаться ни в чём. Моё отношение к деньгам всегда было очень простым: они не цель и не средства. Они — второстепенное следствие моей вовлечённости в любой процесс. И эта непривязанность и любовь к процессу всегда обеспечивали мне поток денег, чем бы и где бы я ни занималась.

У Карины финансовая ситуация была сложнее. Она замечательная актриса и могла бы жить в достатке, но, будучи малоизвестной и непопулярной, отказывалась от множества

ролей, которые могли бы обеспечить её более чем просто хорошо. «Любая роль, в которой я притворяюсь, — говорила подруга, — оставляет след в моём сознании. Я не могу позволить себе засорять своё драгоценное пространство безыдейной, лишённой глубины информацией. Я не могу предать свою Душу, которая раскрыла мне талант и направила меня». Её религиозное восприятие позволило ей с ранних лет узнать, что она больше, чем человек, а она сама научилась слышать свою Душу. Хотя никому, кроме меня, она этого рассказать не могла. Режиссёры проявляли мало интереса к её персоне, считая заносчивой. Но её вера в Душу, в идею, в мысль оставляли её непоколебимой на пути и ожидающей Свою роль.

И вот сейчас мы едем на съёмки, которые её Душа одобрила.

Мои мысли переключились с Карины на Анну Болейн. А что я знаю об этом историческом персонаже? Что она стала первой женщиной, которая вышла замуж за короля, жена которого была ещё жива. Что король Генрих отрёкся от католической церкви и Англия приняла протестантство. Что король семь лет добивался близости с Анной. Что Анну казнили, осудив за множественные, очевидно, не происходившие преступления. Что Анна воспитывалась при французском дворе... Вот! Вот что мне всегда было интересно! Что

такого узнала Анна во Франции и какую такую секретную мощь привезла в Англию, что сам король перевернул всё с ног на голову? И я всегда чувствовала, что дело не в каких-то женских чарах. Что должно быть что-то, превосходящее банальную человеческую похоть.

Мои мысли прервал мягкий голос Карины:

— Хочешь почитать сцену, которую я буду играть завтра?
— спросила меня подруга.

— Конечно, хочу. Я как раз размышляла о том, что помню про Анну Болейн, и пока не смогла догадаться, почему ты согласилась играть эту роль.

Глава 5. Сцена «Прощание»

Блуа (Франция). Королевский замок. 1521 год.

Историческая основа

В 1521 году Анна отозвана в Англию. Ей около двадцати лет. Она покидает Францию, где провела семь лет — почти половину своей жизни. Прощание с королевой Клод, с Маргаритой, с французским светом.

Локация

Блуа, королевские покои. Свет — вечерний, прощальный.

Режиссёрский подход

Самая тихая сцена. Почти без слов. Клод — женщина, которую никто не замечает, — дарит Анне часослов. Не тот, роскошный, что подарила Маргарита Австрийская. Простой, скромный, с молитвами на французском. Жест женщины, которая всю жизнь была тенью и хочет, чтобы хоть кто-то унёс с собой свет.

Сцена. «Прощание»

Покои королевы Клод. Анна стоит у окна, спиной к двери. Сборы закончены. Через час — карета, через день — Англия.

Клод входит бесшумно. Она всегда входит бесшумно. Её не замечают при дворе — она слишком тихая, слишком бледная, слишком вечно беременная.

КЛОД (*тихо*):

— Ты не хочешь уезжать.

Анна оборачивается.

АННА:

— Я не хочу замуж за человека, которого не знаю.

Клод смотрит на неё. Долго. В её глазах — не жалость, а понимание.

КЛОД:

— Тогда не выходи.

Анна смотрит на неё с удивлением.

АННА:

— Вы... вы можете так говорить? Вы, кто вышли замуж за Франциска, потому что так велел король?

КЛОД (*тихо*):

— Я могу говорить так именно потому, что вышла замуж за Франциска, потому что так велел король. И я знаю: если бы у меня был выбор, я бы выбрала тишину.

Пауза.

КЛОД:

— Ты думаешь, я не вижу, как он смотрит на других женщин? Как он смотрит на Маргариту — умнее, ярче, живее меня? Я вижу. Я просто молчу. Потому что мой долг — быть королевой, а не счастливой.

Она протягивает Анне маленькую книгу. Часослов. Не в бархате, не в золоте. Простой, кожаный, потёртый.

КЛОД:

— Это тебе. Здесь молитвы на французском. Я знаю, ты плохо понимаешь латынь. Я тоже плохо понимаю. Но Бог слышит нас и на том языке, который нам понятен.

Анна берёт книгу. Её пальцы дрожат.

АННА:

— Ваше величество... я не знаю, что сказать.

КЛОД:

— Ничего не говори. Просто помни: ты не обязана быть счастливой. Ты обязана быть собой.

Она уходит так же тихо, как вошла.

Анна остаётся у окна с часословом в руках. За окном — французский дождь.

Крупный план: книга. Анна открывает её на странице с коронацией Девы Марии.

Её палец медленно гладит пергамент.

Голос Анны (за кадр, тихо):

«Помни обо мне...»

— —

Двадцать два года спустя. Тауэр. Рассвет.

Та же книга в её руках. Та же страница. Та же Дева Мария, принимающая корону.

Та же надпись, которую она сделает через много лет:

«Помни обо мне, когда молишься, эта надежда ведёт из дня в день».

— —

Я так глубоко погрузилась в чтение, что очнулась лишь тогда, когда услышала, как Карина благодарила по-французски проводника, который зашёл напомнить нам, что наша станция следующая. Я словно застряла где-то внутри, осмысляя прочитанное и возвращая внимание в окружающее нас купе.

Я отдала телефон Карине и закрыла глаза. В голове всё ещё звучали слова Клод: «Ты не обязана быть счастливой. Ты обязана быть собой». Раньше я думала, что быть собой — это значит делать то, что хочешь. Покупать красивые вещи. Ездить, куда вздумается. А сейчас, в этом поезде, несущемся сквозь французские поля, я вдруг поняла: *быть собой — это позволить себе не знать*. Не иметь готовых ответов. Просто ждать. Как Анна у окна.

Подруга заметила мою растерянность и, улыбнувшись,

сказала:

— Давай доберёмся до отеля, оставим вещи и поищем, где можно вкусно поесть и обсудить мою работу.

Зная Карину очень давно, я была готова к тому, что всё время съёмок она будет уединяться, вживаться в роль, так сказать, и уж самое последнее, что она хочет в «рабочие дни», — так это поговорить. Словно услышав мои мысли, она сказала:

— Ты спросила меня, почему я выбрала играть эту роль. Потому что впервые в жизни мне предложили играть саму себя. Мне нужно сыграть Душу, которая смотрит на мир через человеческие глаза и, пренебрегая массовым невежеством, проявить именно Её желание. Я попросила тебя полететь со мной, потому что только ты знаешь и понимаешь меня так, как никто не понимает. И именно эту свою часть, скрытую ото всех, мне придётся в эти дни достать и проявить перед камерой. Давай доберёмся до отеля, и я расскажу тебе задачу, которую мне написал режиссёр после того, как утвердил меня на роль.

Глава 6. Французский завтрак

Мы остановились в небольшом отеле Ibis Blois Centre Château в самом центре города, недалеко от замка, в котором уже завтра начнутся съёмки. По дороге в отель Карина рассказала, что режиссёр мог бы использовать новейшие цифровые технологии, сильно сократив расходы на декорации. Но он решил использовать живые стены, живой свет, которые помнят Анну.

Мы быстро оставили вещи, каждая в своём номере, и спустились в лобби отеля. Оказалось, что в отеле есть кафе-бар, и мы с радостью расположились в нём.

Карина принесла с собой листок и после того, как мы сделали заказ на еду и напитки, протянула его мне.

— Вот краткая режиссёрская мысль, которую он передал не только актёрам, но и всей съёмочной группе.

Предисловие режиссера

Этот фильм — не о том, что случилось с Анной Болейн. Он о том, что случилось внутри неё.

Мы не восстанавливаем историю. Мы входим в тишину. В паузы между словами, во взгляды, которые не отводят, в руки, которые держат книгу так, словно это тело Христа.

Здесь нет злодеев. Генрих — не чудовище, а человек, испугавшийся собственной любви. Кромвель — не демон, а чиновник, выбравший власть вместо совести. Анна — не святая, а женщина, которая семь лет училась говорить «нет» и так и не научилась говорить «да» без страха.

Всё, что вы увидите, — правда. Не та правда, что лежит в архивах, а та, что живёт в камнях Мехелена, в свете Фонтенбло, в выцветших чернилах часослова.

Мы снимаем там, где стены помнят. Где снег всё так же падает на дворец Маргариты Австрийской. Где Луара всё так же отражает небо, на которое смотрела девочка, не знавшая, что умрёт королевой.

Этот фильм — молитва. Не религиозная, не доктринальная. Просто — пауза, в которую можно войти и услышать собственное сердце.

Я приглашаю вас в эту тишину.

Le temps viendra.

Я прочитала текст, и меня охватило невероятное чувство, схожее с тем, что мне приоткрыли или собираются приоткрыть какую-то великую тайну. Всё внутри замерло в предвкушении. Невероятное таинство воцарилось внутри. Ароматный кофе уже стоял на столе, когда я дочитала режиссёрское предисловие.

Карина молча, мягко улыбаясь, смотрела на меня. Она дала мне ещё мгновение побыть в прочитанном и заговорила:

— После того как меня утвердили на роль, меня пригласил режиссёр пообщаться наедине. «Карина, я выбрал тебя на эту роль, потому что Присутствие невозможно сыграть. Оно либо есть в кадре, либо его нет. Актриса может выучить текст, попасть в мизансцену, расплакаться по команде — но если внутри неё пустота, зритель увидит пустоту. У Анны Болейн пустоты не было. И у тебя её нет. Вырази свою Душу, выпусти её. Будь Причиной, а все твои актёрские способности как следствия проявятся сами. Не играй — Будь!» — сказал режиссёр и через паузу продолжил. — «Эти сцены — не о событиях. Они о тишине между словами. О паузах, которые длились дольше, чем позволял этикет. О взглядах, которые не отводили. О руках, которые не дрожали. Я заметил, что все эти качества раскрыты в тебе как в человеке. Тебе не надо их объяснять. Вот даже сейчас — ты ни разу не

отвела, не опустила глаза. Ты слушаешь меня, и я полностью уверен, что слышишь. Вот что я хочу увидеть в кадре. То, что находится в паузе между словами, между мыслями. Тишину как движущую силу, как преобразователь заблуждений, как паузу для выбора в пользу Любви».

Она немного помолчала и сказала самое важное:

— Ответ на твой вопрос, почему я выбрала эту роль: этот фильм о Душе, о Боге, который был раскрыт в Анне так полно, что ей не нужно было доказывать Его существование. — И добавила:

— Режиссер мне приоткрыл свое видение. Он считает, что любое человеческое восприятие Бога неверно, потому что Бог непостижим. Невозможно проявить, сыграть Присутствие Бога так, как ты считаешь. И предложил мне быть витальной. Просто Быть.

После её слов мир словно остановился. Я не могу передать глубину момента, осознаний, которые проступали в моём сознании пока ещё беззвучно, и волшебство момента, сопричастности к чему-то великому.

Карина снова заговорила первая:

— Завтра утром я познакомлюсь с девочкой-актрисой, ко-

торая играла двенадцатилетнюю Анну. Мы будем синхронизировать наши жесты, взгляды.

— Я даже не знала, что так происходит, — услышала я свой голос.

— Да, очень интересная часть работы. Сонастроиться с другим человеком, играющим ту же роль. Наша задача передать, что мы — один повзрослевший человек. Натали уже закончила съёмку своих эпизодов, и завтра я подхвачу её жесты рук, взгляд. — Она сделала паузу. — А вечером будет сцена «Прощание», которую ты читала, и мне ещё предстоит сыграть Анну, которой шестнадцать лет. Ну, это уже будет через три дня и в другом замке. — Подруга улыбнулась мне и подмигнула. — Хочешь посмотреть на это?

— Если можно, то конечно! — я чуть не подпрыгнула на кресле от радости. Меня всё ещё переполняли чувства, которые никак не определялись. Но их было так много, что мне становилось даже не по себе.

— Я сейчас пойду на встречу со съёмочной группой, а вечером мы можем вместе поужинать и прогуляться перед сном. Что скажешь?

— Прекрасное предложение! Меня так сильно перепол-

няют чувства, что я боюсь захлебнуться, — честно сказала я, улыбаясь. — Я пойду в номер и хотя бы часть их попробую осмыслить.

— Очень хорошо тебя понимаю, — искренне сказала подруга.

Мы быстро закончили трапезу, и я пошла в свой номер. Наспех переодевшись после дороги и умыв лицо, я приготовилась поразмышлять, прилегла на кровать и... уснула.

Я крепко проспала больше двух часов, а когда проснулась, то поняла, что времени осталось только на то, чтобы привести себя в порядок. Уже вечерело. Потихоньку в сознание возвращались впечатления поезда, обеда, перемешанные с моим восприятием Анны Болейн. Мысли уносили меня то в размышления об Анне, то о маленькой двенадцатилетней актрисе, то о роли шестнадцатилетней Анны, которую должна сыграть моя тридцатилетняя подруга, то о словах режиссёра, которые он написал и которые отдельно сказал Карине. Кто этот человек, какие мысли он носит в себе и собирается воплотить? Не было ни ясности, ни последовательности в моих размышлениях. И лишь чувство предвкушения, тайнства и сопричастности словно раздувало мою грудную клетку изнутри и непременно вызывало улыбку.

Вечером мы спустились ужинать вместе с Кариной. Мысли путались, и впервые я почувствовала большую потребность обсудить их все со своей подругой. Но все они ускользали, и я сдалась. Я просто поинтересовалась, как прошёл её день, точнее, пара часов, которые мы провели не вместе.

— Мы посетили замок. Сегодня выстраивали декорации и выставляли свет. Завтра утром с маленькой Натали мы зафиксируем важные переходные этапы, которые помогут зрителю понять, что мы обе — Анна, — улыбнулась подруга.

Я снова почувствовала стройность мысли и очень порадовалась этому. Сейчас моё внимание было полностью направлено только на кино, точнее, на его производство. Все остальные мысли стихли.

— А ты можешь поделиться со мной, как вы будете это делать? — с искренним любопытством спросила я.

— Конечно. Натали уже отсняла сцену в замке австрийской королевы в Бельгии, и кадр закончился тем, что она, Анна, закрывает подаренный Маргаритой Австрийской часослов. А завтра моя сцена «Прощание» начинается с того, что мои руки лежат на часослове. Натали сделала заранее микродвижения пальцами, словно боится уронить книгу, и я сделаю точно такое же еле заметное микродвижение — чуть

согнутые пальцы. Руки будут уже разные, но принадлежащие всё той же повзрослевшей Анне. Камера покажет впервые моё лицо, где я перевожу взгляд с книги на Клод, которая входит в зал. Этот жест должен быть отрепетирован с обеими актрисами. Зритель увидит жест с книгой в сцене «Снег» и вспомнит в сцене «Прощание». Связь возникнет на подсознательном уровне.

— А ещё некоторые моменты, — продолжала она, — например, «один взгляд». Мы должны с Натали смотреть на мир одинаково. Не играть глазами, а именно смотреть. У Анны в любой сцене есть этот взгляд человека, который видит больше, чем говорит. Один голос — интонационно. Разумеется, у нас голоса разные, но интонационный рисунок должен совпадать. К примеру — та же пауза перед ответом. Тот же ритм речи. Та же манера заканчивать фразу чуть тише, чем начинать. И, конечно же, осанка. Спина. Это самое главное. Анна держит спину прямо, даже когда боится, даже когда одна, даже в Тауэре. Обе актрисы должны нести это как корону. Это создаст невидимую нить между нами. Ты знала, что мать Анны учила её: «Корона не на голове, Анна, корона в позвоночнике»? — улыбнувшись, спросила Карина.

— Ох, — искренне и с улыбкой вздохнула я, — я полагаю, что я совсем ничего не знаю об Анне. И очень рада, что смогу узнать через тебя.

— Да, читая сценарий, я тоже была сильно удивлена тому, какое впечатление было у меня до работы с режиссёром и как совершенно по-новому я увидела её благодаря ему. Поверь, твои удивления только начинаются. Я радуюсь, представляя, как многое тебе откроется, так же, как и мне, через эту историю. Совершенно иную Анну, которую впервые увидит мир.

Карина говорила вдохновенно, смакуя свои осознания, и нежно, словно мать, которая знает, что её ребёнка ждёт что-то очень удивительное, чему ребёнок непременно порадует-ся.

— Пойдём немного прогуляемся перед сном? — предложила подруга.

— Конечно, — стала подниматься я из-за стола, не желая терять драгоценные минуты.

Глава 7. Золотой час

Весь день Карина работала в замке, выстраивая переходные сцены с Натали, и мы договорились, что я пойду на съёмочную площадку к «золотому часу» — часу, который наступает перед закатом. Именно на этот час и на этот свет рассчитывал режиссёр, снимающий сцену.

Я стою в углу, прижимаясь спиной к холодному камню, чтобы не мешать. Здесь пахнет вековой пылью и воском от свечей, которые операторы расставили по комнате. Тишина такая, что слышно, как гудит свет — дорогой, кинематографический, который льётся из окон.

За окном — золотой час.

Всё именно так, как ты мне рассказывала на нашей вчерашней прогулке: свет мягкий, длинный, почти жидкий. Он лежит на каменном полу полосами, и в каждой полосе танцуют пылинки. Замок за окном — не декорация. Он настоящий. Он помнит.

И в этом свете стоит она.

Моя подруга.

Мы знакомы пятнадцать лет. Я знаю, как она морщит нос, когда смеётся над моими шутками. Знаю, что она боится пауков и не умеет просыпаться без кофе.

Сейчас я её не узнаю.

Я смотрела не только на Карину. Я смотрела на оператора. Он двигался вокруг неё медленно, почти беззвучно, как будто танцевал. Его камера была продолжением его тела, а он сам — продолжением света. Мне показалось, что так и рождается кино: когда люди перестают быть людьми и становятся вниманием.

Она стоит у окна в профиль. На ней тёмно-фиолетовое платье — тяжёлое, с длинными рукавами, которое ей помогали надевать сорок минут. Волосы убраны, открыта длинная шея. Та самая шея.

Она не двигается.

Просто стоит и смотрит на свет. Режиссёр сказал: «Жди. Просто жди. Мы скажем, когда начнём». И она ждёт. Но это не пассивное ожидание. В ней есть что-то, чего я никогда не видела в обычной жизни. Какая-то невероятная сосредоточенность. Будто она не в комнате, а где-то глубоко внутри

себя.

Я смотрю на неё и вдруг понимаю: она не играет. Она становится.

Сейчас она стоит — и Анна здесь.

Я вижу это по её спине. Ты говорила мне: «Корона не на голове, корона в позвоночнике». Сейчас я вижу этот позвоночник. Она стоит так прямо, будто у неё внутри стальной стержень, который держит не только её тело, но и всю историю.

— Начали! — тихо командует режиссёр.

В комнату входит другая актриса. Королева Клод. Бледная, тихая, в скромном платье. Она подходит к моей подруге.

— Ты не хочешь уезжать, — говорит Клод.

Моя подруга медленно оборачивается. И я вижу её глаза.

Господи.

Это не её глаза. Это глаза человека, который семь лет учился ждать, который держал в руках запрещённую книгу

и не испугался. Это глаза женщины, которая уже знает, что умрёт на эшафоте, но сейчас — в эту секунду — она ещё жива и ещё надеется.

У меня перехватывает горло.

Я знаю эту женщину. Я мыла с ней посуду после вечеринок. Я лечила её простуду. Я слушала её жалобы на сценарии и режиссёров.

Сейчас передо мной стоит Анна Болейн.

Они говорят. Я не слышу слов — только интонации. Голос моей подруги стал ниже, спокойнее. В нём появилась та самая пауза, о которой мы столько говорили. Она не торопится отвечать. Она дышит между фразами, и в этом дыхании — целая жизнь.

Клод протягивает ей книгу. Маленький потёртый часослов.

Моя подруга берёт его. И я вижу её руки — те самые руки, которые я видела тысячу раз, — как они дрожат. Чуть-чуть. Почти незаметно. Но я знаю эту дрожь. Это не актриса. Это она сама, живая, настоящая, тронутая до глубины души.

— Ты не обязана быть счастливой, — говорит Клод. — Ты обязана быть собой.

Моя подруга смотрит на книгу. Потом поднимает глаза.

И в этих глазах — благодарность. Такая огромная, что мне кажется, я сейчас расплачусь.

— Стоп! — кричит режиссёр. — Боже мой, это гениально! Снято!

И вдруг — тишина ломается.

Моя подруга выдыхает. Плечи опускаются. Она снова становится собой. Смотрит на книгу в руках, потом на меня, улыбается растерянно и шепчет одними губами:

— Ну как?

Я не могу говорить. Я просто киваю и улыбаюсь, потому что если открою рот — разревусь.

Она выходит из света, подходит ко мне. Платье тяжело шуршит. Она пахнет потом, старой тканью и свечами.

— Я так волновалась, — шепчет она. — Ты не представ-

ляешь.

Я обнимаю её. Чувствую, как дрожит её спина. Та самая спина, которая минуту назад держала корону.

— Ты была невероятна, — говорю я. — Я не видела тебя. Я видела ЕЁ.

Она смотрит на меня — и вдруг её глаза становятся мокрыми.

— Правда?

— Правда.

Свет за окном всё ещё золотой. Где-то за стеной суется осветители. А мы стоим вдвоём в углу, и я держу её за руку. Руку Анны Болейн, которая на минуту стала её рукой.

И я думаю: вот оно. Вот ради чего всё это.

Не ради славы, не ради денег, не ради того, чтобы увидеть своё имя в титрах. Я наконец-то поняла, какую роль ждала моя подруга, лишая себя комфорта и оберегая своё сознание. Она была собой, и в то же время на эту минуту она показалась мне большей, чем Карина или Анна. В этом золо-

том свете весны она показалась мне бессмертной.

Глава 8. Шестнадцатилетняя Анна

— Завтра мы будем снимать шестнадцатилетнюю Анну,
— улыбнулась подруга мне за ужином.

Мы уже переехали в другой отель, который находился ближе к усадьбе, где жил Леонардо да Винчи. Во время переезда и моих посещений съёмок я познакомилась с некоторыми актрисами и другими членами съёмочной группы. Все удивительно открытые люди. Мы немного общались, все были погружены во внутреннюю подготовку к работе. Единственный, кого я видела мельком, не имея возможности разглядеть, — это был режиссёр. Он всё свободное от съёмок время проводил в одиночестве. Я люблю уединение, и для меня его отстранённость не показалась чем-то удивительным.

Мне разрешили и в этот раз присутствовать на съёмках. Снимали в Кло-Люсе — усадьбе, где когда-то жил Леонардо да Винчи.

Сад уже вовсю цвёл, яблони стояли в белой кипени, и ветер иногда сдувал лепестки прямо в кадр. Операторы ругались — лепестки создавали блики, — а режиссёр сказал: «Оставьте. Это подарок».

Я посмотрела на него. Он стоял чуть поодаль, в тени, и смотрел не на камеру, не на актрис, а на свет. Лица я не разглядела — только силуэт. Но почему-то мне показалось, что он улыбается. Не нам, а чему-то, что видит только он. Может быть, той самой Анне, которая уже была здесь пятьсот лет назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.